

ДМИТРИЙ ОВСЯННИКОВ

ОСКОЛКИ
САМТО

Москва · Издательство «Обложка» · 2023

НА ТОРГЕ В ВИИПУРИ

С НЕЗАПАМЯТНЫХ ВРЕМЁН МЕЖДУ землями викингов и землями венедров стояла деревня Виипури* — место оживлённое и многолюдное, особенно для Карелии и Ингрии, где никогда не было ни городов, ни князей с дружинами, а люди жили в небольших деревнях и на хуторах, далеко разбросанных по дремучим лесам, берегам рек и озёр.

Виипури расположилась на берегу залива и могла бы считаться городом, но постоянных жителей в ней было немногим больше, чем в любой карельской деревне. Другое дело — иноземные гости, купцы и путешественники, державшие путь в дальние страны, жители окрестностей, прочие люди со всех земель Калевы, идущие каждый по своим делам. Все они неизменно собирались

* На месте современного Выборга. — *Здесь и далее — примечания автора.*

в Виипури, и тогда изначально простая прибрежная деревушка становилась шумной, в считанные дни вырастая в несколько раз. У пристаней вдоль берега выстраивались морские ладьи и челноки поменьше, вокруг деревни, словно грибы после дождя, вырастали шатры, наполнялись людьми особые гостиные дома, построенные чуть в стороне, длинные и приземистые, с очагом посередине и отверстием дымохода прямо в крыше, похожие на дома викингов. Так бывало каждый год с весны до осени, когда северные ветры оставляли в покое Варяжское море и ненадолго ложились отдыхать в своё убежище, скрытое далеко на севере, за туманной Сариолой и землями Лаппи, в вечных льдах у подножия Мировой Горы.

Зимой Виипури словно засыпала под толстым покрывалом снега, весной же на берегу разворачивался торг. Карелы и саво приносили сюда пушнину, добытую зимой в своих лесах, по осени пригоняли скот, хозяева-ингры выставляли рыбу, мёд и соль, с северо-запада в Гардарики* шли суровые мореходы — руотси, даны и норья**, с ними могли встретиться здесь купцы-венеды из великого города на Волхове. Изредка прибывали люди из неведомой южной страны, называемой Линну-

* «Страна городов», т.е. Русь.

** В романе даются преимущественно финские либо приближенные к финским названия народов и стран. Руотси, даны и норья — шведы, датчане и норвежцы соответственно, венеды — словене, новгородцы.

лой — Страной птиц*, везущие диковинные заморские товары.

В один из весенних дней вскоре после начала торгового залива Виипури показались разноцветные паруса, и вскоре стали видны идущие под ними корабли — длинные и низкие, со множеством вёсел, с рядами щитов, укрепленных вдоль каждого борта. Плавно и быстро двигались они к причалам, похожие на невиданных морских животных, привлекая всё больше и больше взглядов с берега — как любопытных, так и обеспокоенных.

— Руотси либо даны, — заговорили люди, — первый раз в этом году. Да много-то как сразу!

— Вот не было печали! — заворчали охотники-саво, только вчера пришедшие на торговлю. — Слетаются, разбойники, как вороны на добычу! — и заозирались по сторонам, готовясь защищаться, иные уже потянулись к лукам и копьям.

— То-то и видно, что вы, лесовики, здесь впервые! — улыбнулся в ответ степенный ингр из местных, оказавшийся рядом. Он как раз покупал у молодого саво связку куниц, и весть о прибытии чужеземцев несколько не взволновала его. — Даны и руотси здесь — обычное дело. Ходят через нас торговать с венедами, попутно торгуют с нами. Всем выгодно, всем спокойно — они хоть и вояки, только здесь-то разбойничать им ни к чему. Это же

* В представлении древних карелов и финнов Линнула — собирательный образ всех южных стран, куда на зиму улетают птицы (от *финск.* linnut — «птицы»).

В самом деле, мужчина тридцати лет, крепкий и здоровый, в прошлом путешествовавший по Варяжскому морю и в земли венедов, Антеро так и не завёл ни своего дома, ни своей семьи. Уже ушёл и поселился на другом берегу Сувантояр-ви средний брат, Урхо, но Антеро, возвратившись из странствий, по-прежнему жил в родительском доме вместе с семьёй своего старшего брата Кау-ралайнена, к тому времени ставшего старейшиной рода. Казалось, что Антеро (или Антти, как звали его по-родственному) и не думает жениться — на вопросы об этом он только смеялся да отпускал прибаутки.

Тойво знал, что под весельем Антеро таилась старая боль, загнанная им в самый глухой закоулок души и надёжно скрытая. Долгими осенними и зимними вечерами рвалась та боль наружу, прорастала сквозь память, застилая и без того тёмные небеса. В такие часы Антеро становился угрюмым и молчаливым, пропадал в укромных местах, где никто не тревожил его расспросами. Там он подолгу сживал в одиночестве, и кантеле, верный друг и помощник рунопевца, плакало в его руках, но чаще издавало какие-то нестройные звуки.

Дней семь назад Антеро в числе ещё нескольких мужчин из рода Сувантолы ушёл на торг в Виипури, чтобы продать часть мехов, добытых зимой, и запастись у прибрежных ингров солью и вяленой морской рыбой. От Виипури до Сувантолы не так уж далеко — всего пара дней пути, но Тойво селение ингров казалось далёким и загадочным, потому

что самому ему никогда не приходилось уходить так далеко от дома. Нет, приходилось, конечно, — на охоту или на рыбную ловлю со старшими, но то всё в леса да на озёра, а так чтобы к соседнему народу — ни разу. И хоть селение Сувантолы немалой величины — одних только жилых домов целых три, но в Виипури, говорят, домов в разы больше, а людей за день не перечесть, да ещё иноземцев столько! Вот бы отправиться в Виипури вместе с Антеро, а лучше — ещё дальше, за озёра и море! «А коз кто пасти будет? — тут же спросил изнутри кто-то строгий, очень похожий на отца. — А по хозяйству мне кто поможет? Давай все за море уйдём, а дом без нас как-нибудь выстоит!»

Да, с этим не поспорить. Работы по хозяйству дома хватит на всех, и ещё останется — и скот пасти, и хлеб растить, и рыбу ловить, и по дому... А всё-таки безумно хочется увидеть мир за пределами родного селения!

День подходил к концу, и Тойво гнал стадо домой по тропинке вдоль берега озера. Вот уже показалась знакомая развилка тропы — справа за деревьями виднеется частокол селения, слева — пристань, где хранятся лодки. И сейчас от пристани навстречу Тойво шло несколько человек — тех самых, что недавно уезжали в Виипури. Они только что вернулись и сейчас несли к селению припасы, купленные на торге.

— Кто вы, путники, и что привело вас к причалам Сувантолы? — зычно спросил Тойво, в шутку подражая героям рун.

чудных разом. Беда мне с вами, младшими. И откуда это у вас...

— Благодарю, брат, — кивнул Антеро.

— Да чтобы вернулись живыми! — проворчал ижандо. — Мёртвых на порог не пушу!

После ужина Антеро подозвал к себе Тойво.

— Радуйся, дружище. Ижандо дал добро, мы с тобой идём в поход. Тише, прошу тебя! — Тойво с трудом сдержал радостный возглас. Широко раскрытые глаза восхищённо горели. — Не поднимай шума, а то не дадут нам уйти спокойно, пол-Сувантолы в котомку засунут точно. Нас двое, ты да я. Завтра мы соберёмся, уйдём послезавтра на рассвете. А сейчас — всем спать.

ПУТЬ НА СЕВЕР

В ДОМЕ СУВАНТОЛЫ ПОДНИМАЛИСЬ рано — одни женщины отправлялись доить коров, другие разводили огонь в печи и варили кашу, мужчины, взяв вёсла и сети, шли к озеру, — люди приступали к повседневным заботам.

Антеро и Тойво вышли ещё раньше, до первых петухов — рунопевцу очень хотелось уйти незаметно. «Не люблю лишних расспросов, — признался он племяннику. — Родители твои знают, и ладно».

Чуть слышно вышли путники за ворота селения и зашагали по дороге, ведущей к северу. Темень стояла такая, что хоть глаз выколи, только вверх, среди чёрных сосновых ветвей серело предрассветное небо в бледных огоньках звёзд. Но в родном месте темнота не была помехой — все тропинки Сувантолы Тойво и Антеро знали наперечёт.

Предыдущий день друзья провели в сборах — путешествие предстояло долгое. В дорожный мешок сложили запасную тёплую одежду

* * *

Наступил черёд Тойво стоять в дозоре. Антеро спал, положив под голову мешок с одеждой, Тойво сидел на бревне, обхватив руками дротик, и глядел в костёр. Близилось лето, и ночи становились коротки; придёт ещё время, когда солнце станет скрываться за краем неба, лишь немного уступая вечерним сумеркам. Но сейчас ночь, сохранившая ещё немного времени для своей темноты, была по-настоящему волшебной. Она стёрла границы и очертания, и небольшая поляна с кружком света от костра посередине сделалась бескрайней и таинственной. В темноте о чём-то шептались ветви деревьев, тёмные силуэты которых сплетались в небывалые образы, а небо, усеянное большими яркими звёздами, висело низко-низко, едва не задевая еловых макушек. Казалось, что стоит подпрыгнуть чуть выше — и можно ухватить рукой Отаву, словно ковш за ручку.

Внезапно Тойво почувствовал чей-то взгляд, и тут же увидел за раскидистой елью, до которой едва доставал свет костра... человека? Нет. Ни один человек не появится из леса так бесшумно. Длиннопалыми лапами, покрытыми густой шерстью, отводил пришелец еловую ветку; Тойво успел разглядеть длинный носище и нависшие, лишённые волос, брови, из-под которых вспыхивали, отражая огонь, маленькие глазки...

— Антти!

Оказалось, что рунопевец не спал. Он лежал на спине с открытыми глазами и наблюдал за незваным гостем. Тойво поднял было дротик, но Антеро положил руку ему на плечо, шепнув: «Не надо!» — а сам шагнул навстречу пришельцу и выставил перед собой ладонь:

Чадо леса, муж косматый,
Дикий зверь с двумя ногами,
Ты зачем посмел явиться
Пред очами человека?
Я овец твоих не трону —
Эти овцы — злые волки,
Я коров не потревожу,
Тех оленей длинноногих.
Уходи, укройся в чаще,
В шалаше средь бурелома,
Где рождён ты дочкой Хийси,
Молоком медвежьим вскормлен!

Существо дико сверкнуло глазами и исчезло так же тихо, как и появилось, — только заколыхались еловые лапы.

— Подбрось-ка хворосту, — сказал рунопевец. — Пусть огонь будет высоким. Ложись спать, я покараую.

— Этот косматый — кто он? — спросил Тойво. — Зачем он приходил к нам?

— Он бы то же самое спросил у нас с тобой, если бы умел разговаривать по-человечески, — ответил Антеро. — Это мы в его лес пожаловали,

СТАРЕЙШИНЫ ХЯМЕ

УЖЕ БОЛЬШЕ НЕДЕЛИ ПРОШЛО С ТЕХ пор, как Антеро и Тойво, поблагодарив гостеприимных саво, ушли из Савонкоти и направились в сторону морского побережья. Вместе с ними бодро шагал Кауко, весёлый и разговорчивый.

Десять лет назад Антеро шёл напрямик к морю, сейчас же он не искал короткого пути. Рунопевцу хотелось обойти как можно больше селений — так он надеялся поговорить со всеми встречными хяме. Поэтому дорога бесконечно петляла и кружила среди лесов, озёр и болот, не оставляя в стороне ни одного хутора — хяме предпочитали жить уединённо и дорога от дома к дому была неблизкой.

Однако здесь Антеро ждало разочарование — Тиэра не зря предупреждал его о немногословности хяме. Хозяева не отказывали в ночлеге и пище, но были необычайно скупы на слова и постоянно уходили от разговора. Расспросы, песни, забавные истории — всё оказывалось не впрок, хяме как будто совсем не было дела до того, что происходит за ближайшим лесом.

На восьмой день путники вышли на лесную дорогу, плотно утопанную множеством ног и копыт, с глубокими колеями от тележных колёс. По ней жители лесного края шли, ехали, перевозили грузы и перегоняли скот в многолюдные прибрежные селения навстречу купцам, приходящим из-за Варяжского моря.

Вскоре странники нагнали подводу, нагруженную брёвнами. Коренастый мужик в серой куртке и шапке-треухе погонял двух могучих волов, двое парней помладше торопливо шагали следом с топорами на плечах, третий — совсем ребёнок — сидел на подводе, свесив ножки, обутые в лапти.

— Доброго дня вам! — окликнул Антеро встречающих. — Далеко ли до деревни?

Старший хяме медленно перевёл на него тяжёлый взгляд.

— Свои доро-г-гу зна-ают, — протянул он. — А чужака-а-м она-а ни к чему-у.

— Что ж так неприветливо? — Антеро не хотел отпускать хяме без разговора. Тот наверняка исходил свой край вдоль и поперёк и мог бы повредить многое. — Мне всего и надо, что знать, куда дорога ведёт!

— Что есть путе-ей, все в Хяменлин-ну-у*.

* Грандиозное строительство, описанное в главах о хяме, от начала до конца является моей фантазией и не имеет ничего общего с реальной Хямеэнлинной — старинным городом в Южной Финляндии (чтобы подчеркнуть это, я изменил написание слова). Название переводится с финского языка как «Крепость хяме».

— Тьфу, пропасть! — выругался Уно. — Их только не хватало!

— Ладно, посмотрим, что они делать будут. — Рунопевец подхватил рогатину и сунул за пояс секиру. — Хвала богам, наше укрытие с моря не видно.

Путники поспешили наверх — осторожно, стараясь не шуметь и укрываться за деревьями, они встали над берегом, откуда был хорошо виден чужой корабль, уже успевший приблизиться к острову.

Тойво прислонил дротик к сосне и проверил тетиву лука, Кауко уже зарядил самострел, Уно сжал в руках секиру, сделанную наподобие норманнской — способную рубить и колоть. Насажённая на длинное древко, она не уступала в росте своему хозяину.

— Если захотят пристать к этому острову, — шепнул Уно, обращаясь к Антеро, — то лучше всего обогнуть мыс — он закроет корабль от северного ветра, а отмель за ним не завалена камнями. Это плохо — так они свалятся на нашу стоянку. Но отчего они держат прямо сюда? Место негодное.

— Я не могу понять, почему они при такой погоде не убрали мачту, — так же шёпотом отвечал рунопевец. — И почему, будь им пусто, не работают вёслами?

Между тем снелкар оказался ещё ближе, и частый дождь уже не мешал вглядываться в его очертания. Странное дело: судном как будто ни-

кто не правил — не видно было движения людей, не поднимались над водой вёсла. Волны несли снелкар, точно старое бревно, и боевой корабль викингов безвольно следовал их движениям, несясь прямо на каменные россыпи у северной стороны мыса. У самого берега судно вдруг развернуло бок, и прибрежный валун величиной с большую избу скрыл его от глаз странников, так что тем пришлось бегом бежать, чтобы не упустить викингов из виду.

За валуном обнаружился широкий пологий спуск. Издалека товарищи увидели, что корабль крепко засел в прибрежных камнях, и ни на нём, ни рядом с ним нет ни души. Подошли ближе; опередивший всех Тойво уже успел перемахнуть через невысокий борт..

— НАЗАД!!! — прорычал Антеро, бросаясь следом за племянником с секирой наизготовку — от чужого корабля можно было ожидать чего угодно.

В следующий миг они уже стояли бок о бок, вдыхая тяжёлый сладковатый запах — запах мертвечины. На снелкаре были люди — не менее полтора десятков мёртвых людей, полуголых, истерзанных, разбросанных по палубе. Оглядевшись, Тойво едва успел перегнуться за борт — его скрутило в приступе рвоты. Еле удержались от того же подоспевшие следом за Антеро Уно и Кауко.

Корабль носил на себе следы побоища — множество зарубок на бортах, палубе и румах, повсюду бурые лужи запёкшейся крови. Встревоженный человеческой речью, с кормы шумно слетел

ЛОУХИ, ХОЗЯЙКА ПОХЪЁЛЫ

В ИД БЕРЕГОВ, ДО СИХ ПОР ДИКИЙ и безлюдный, теперь сделался зловещим. Скалы, зубчатой линией разделившие туман надвое, скоро предстали перед путниками во всей красе, и чем ближе подходила к берегу лодка, тем грознее нависали они над морем, тем сильнее давили чужеземцев безмолвной угрозой. Там, где берег оказывался не таким высоким и крутым, виден был густой, непроходимый лес — привычное зрелище для глаз северного человека. Однако лес Похъёлы не походил ни на один другой. Высокие и тонкие деревья росли на удивление часто, сплетались ветвями и тянулись, тянулись, тянулись вверх, чтобы урвать хоть чуть-чуть драгоценного солнечного света. Со стволов свисали до земли серо-зелёные бороды мха, корни змеились по камням, изо всех сил вонзаясь в почву — не напитать дерево соками земли, а только не позволить ему рухнуть при порыве ветра.